

М. В. КРЮКОВ

К ИЗУЧЕНИЮ СИСТЕМЫ РОДСТВА ЯПОНЦЕВ

Почти сто лет прошло с тех пор, когда увидели свет первые работы Л. Г. Моргана, посвященные проблеме изучения систем родства¹. Без преувеличения можно сказать, что они произвели подлинный переворот в этнографической науке. Морганом впервые была обоснована мысль о том, что каждая система терминологии родства последовательно и закономерно отражает те семейно-брачные отношения, которые существовали во время возникновения данной системы. Вместе с тем, указывает Морган, изменения в формах брака происходят быстрее, чем меняется родственная терминология. Поэтому изучение систем родства, находящихся в противоречии с реальными семейно-брачными отношениями, может приоткрыть завесу, скрывавшую от нас ранние этапы истории семьи.

Исходя из этого принципиального положения, Морган предложил свою известную периодизацию систем родства и соответствующих им форм семьи. Согласно этой периодизации, на смену орде с ее неупорядоченными половыми отношениями, в результате запрещения брачного общения между лицами, принадлежащими к различным поколениям, возникла основанная на групповом браке форма семьи, которую Морган назвал «кровнородственной». В соответствии с этой формой семьи находилась, по мнению Моргана, так называемая «малайская» (или «гавайская») система родства, в которой родственники различаются только по поколениям, тогда как в одном поколении одним и тем же термином обозначается целая группа лиц (например, отец, его братья и братья матери; сыновья и племянники с отцовской и материнской стороны и т. д.). Дальнейшим результатом сужения сферы брачного общения было, по Моргану, исключение из нее братьев и сестер, в силу чего на смену кровнородственной семье приходит семья «пуналуа». Для этой формы семейно-брачных отношений характерен Групповой брак нескольких родных и коллатеральных сестер и их мужей, причем общие мужья не обязательно родственны между собой, или групповой брак нескольких родных и коллатеральных братьев и их жен, причем эти жены не обязательно родственны между собой. Семье пуналуа соответствовала, по Моргану, так называемая «туранская» (или «ганованская») система родства, в которой родственные термины также имеют групповой характер, но, в отличие от малайской системы, четко различается отцовская и материнская линия родства. Кровнородственная и пуналуальная семьи, которым соответствуют ма-

¹ L. H. Morgan, *Conjectural Solution of the Origin of the Classificatory System of Relationship*, «Proc. of the American Academy of Arts and Sciences», 1868; его же. *Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family*, «Smithsonian Contributions to Knowledge», 1871.

лайские и турано-ганованские системы родства (их Морган называл также классификационными) выступают в периодизации Моргана двумя последовательными этапами развития брачных отношений, предшествующими возникновению рода и парного брака. Впоследствии, по мере складывания моногамной семьи, на смену турано-ганованским системам родства приходят так называемые «описательные» системы, для которых характерен не групповой, а индивидуальный характер терминов.

Открытие Моргана, позволяющее использовать системы родства для реконструкции общественных отношений далекого прошлого, было по достоинству оценено основоположниками марксизма. Моргановская гипотеза была, как известно, положена в основу книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», что явилось осуществлением завещания К. Маркса. Этнографические исследования последних десятилетий убедительно показали правильность основной мысли Моргана о том, что системы родства являются отражением определенных общественных (в частности семейно-брачных) отношений². Вместе с тем, по мере накопления этнографического материала по различным народам мира, становилось все более очевидным, что многие частные положения Моргана требуют пересмотра. Энгельс, принявший вначале периодизацию Моргана, впоследствии счел необходимым уточнить в ней некоторые существенные моменты. Изучив новые этнографические материалы, говорившие против гипотезы Моргана об универсальности пуналуальной семьи, Энгельс отмечал в предисловии к четвертому изданию своей книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Когда Морган писал свою книгу, наши сведения о групповом браке были еще весьма ограничены. Кое-что было известно о групповых браках у организованных в классы австралийцев и, кроме того, Морган уже в 1871 г. опубликовал дошедшие до него данные о гавайской пуналуальной семье. Понятно поэтому, что Морган рассматривал ее как ступень развития, которая необходимо предшествовала парному браку, и приписывал ей всеобщее распространение в древнейшее время. С тех пор мы познакомились с целым рядом других форм группового брака и знаем теперь, что Морган здесь зашел слишком далеко»³. Именно поэтому, учитывая, что «со времени появления первого издания прошло семь лет, в течение которых изучение первоначальных форм семьи сделало значительные успехи», Энгельс счел необходимым критически пересмотреть весь текст своей книги, заменив упоминания о пуналуальной семье термином «групповой брак»⁴. Более того, новейшие исследования неопровержимо доказали, что Морган был введен в заблуждение своими информаторами. В конце XVIII—начале XIX в. на Гавайских островах вообще не существовала да и не могла существовать форма семьи, названная Морганом пуналуальной⁵.

² A. R. Radcliffe-Brown, *African Systems of Kinship and Marriage*, Oxford, 1955; Д. А. Ольдерогге, Основные черты развития систем родства, «Сов. этнография», 1960, № 6, стр. 24—30; T. Bodrogi, Some problems Regarding Investigations into the Hungarian Kinship Terminology, «Acta Ethnographica», t. XI, 1962, fasc. 3—4, стр. 273—291 и ел.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 47.

⁴ И. Н. Винников, Четвертое издание книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Вопросы истории доклассового общества», М.—Л., 1936, стр. 31—32.

⁵ Д. Д. Тумаркин, К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XVIII — начале XIX века, «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 106—116.

Сами по себе турано-ганованские системы родства не дают оснований связывать их возникновение с практикой пуналуального брака в его гавайской форме, описанной Морганом. Отношения пуналуальной семьи не могут объяснить той особенности турано-ганованских систем, что мужчина называет отцом не только своего отца, но и всех его братьев, детьми не только своих детей, но и всех детей своих братьев, так как Морган определяет пуналуальные отношения как групповой брак нескольких братьев и их жен или нескольких сестер и их мужей⁶. Отсюда напрашивается вывод, что пуналуальная семья не находится в соответствии с турано-ганованскими системами родства⁷.

Относя семью пуналуа и турано-ганованские системы родства к периоду, предшествующему возникновению рода, Морган не заметил связи этих систем родства с экзогамией родового общества. Первым ученым, который стал рассматривать экзогамию и туранские системы как «две стороны одного социального института», был известный английский этнограф Э. Тэйлор⁸; впоследствии это положение было убедительно доказано Р. Лоуи⁹. Действительно, одной из основных характерных черт рода является его экзогамность, в результате которой родственники по отцу не могут принадлежать к тому же роду, что и родственники по матери. Это обстоятельство находит свое отражение в турано-ганованских системах родства, в которых родственники по отцовской и материанской линии называются различными терминами.

В отличие от этого, малайская система родства не различает линию отца и матери, поэтому она противоречит родовым отношениям и может отражать либо дородовой, либо послеродовой этап развития общества. Изучение общественного строя гавайцев, в которых Л. Морган обнаружил малайскую (гавайскую) систему родства, показало, что социальные отношения на Гавайских островах никак не могут быть отнесены к «средней ступени дикости». Гавайцы жили уже в условиях разложения родового строя и формирования классового общества. Тот факт, что малайская система родства зафиксирована лишь у народов, переживших родовую организацию, убедительно свидетельствует о первичности турано-ганованской и вторичности малайской системы родства. Исследования У. Риверса, А. М. Золотарева, Д. А. Ольдерогге показали, что с разложением рода и исчезновением экзогамии системы родства турано-ганованского типа, упрощаясь, приобретают малайские черты¹⁰. Доказательство вторичности малайской системы рода лишило теорию кровнородственной семьи ее единственного основания.

Нужно отметить, что против моргановской гипотезы кровнородственной семьи (точнее — предположения о том, что малайская система родства соответствует кровнородственной семье) с самого начала говорил целый ряд фактов. Суть кровнородственной семьи заключалась, по Моргану, в брачном сожителе братьев и сестер; но в таком случае термин «брат» должен был совпадать с «мужем», а «жена» не дол-

⁶ Л.-Г. 'Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 221.

⁷ И. Н. Винников, Указ. раб., стр. 158.

⁸ E. B. Tylor, On the Method of Investigating the Development of Institutions, Applied to Laws of Marriage and Descent, «Journ. of the Anthropological Institute», XVIII, 1889, стр. 245—269.

⁹ R. H. Lowie, Exogamy and Classificatory Systems of Relationship, «American Anthropologist», v. 17, No. 2, 1915, стр. 223—239.

¹⁰ W. Rivers, Social Organisation, London, 1924; А. М. Золотарев, К истории ранних форм группового брака, «Зап. Исторического факультета Моск. обл. пед. ин-та», т. II, М., 1940, стр. 144—169; Д. А. Ольдерогге, Малайская система родства, «Родовое общество», Труды Ин-та этнографии, нов. серия, т. XIV, М., 1951, стр. 28—66.

жна была терминологически отличаться от «сестры». Однако такое положение не характерно для малайской системы, и это означает, что малайская система родства не соответствует той форме семьи, которая была теоретически реконструирована на ее основе Морганом. В этой связи несомненный интерес представляет утверждение некоторых авторов о том, что в номенклатуре родства древних японцев, принадлежавшей к малайскому типу, термин *se* обозначал одновременно «брата» и «мужа», а термин *imo* — не только «сестру», но и «жену». Если этот вывод является обоснованным, то он снимает один из главных аргументов, приводившихся оппонентами Моргана по вопросу о кровнородственной семье. Это не может не привлечь внимания этнографов к анализу японской системы родства — системы, изученной еще далеко недостаточно.

* * *

Первые исследования японской системы родства появились еще в XVIII в. Они принадлежали перу ученых-конфуцианцев, пытавшихся найти выход из противоречия между письменной системой родства, заимствованной у китайцев, и реальной номенклатурой родственных отношений, бытовавшей в их эпоху в Японии. Эти работы представляют значительную ценность для реконструкции истории японской системы родства. Однако первым ученым, привлечшим данные японской системы родства в качестве источника по истории общества, был Морган. В своем капитальном исследовании «Системы родства и свойства» Морган использовал сведения о номенклатуре родства японцев, сообщенные ему неким Кавабэ Манкици (1867 г.). Подробно характеризуя японскую родственную терминологию, Морган отмечал следующие ее особенности.

1. Сын моего брата называется «племянником» (*e-to-ko*)¹¹, дочь моего брата — «племянницей» (*o-nä e-to-ko*); однако их дети — мои «внуки», дети последних — мои «правнуки». Та же терминология применяется к детям моей сестры и их потомкам вне зависимости от того, является ли Его мужчиной или женщиной.

2. Брат моего отца — мой «дядя» (*6-jee*); сын дяди, если он старше меня, — мой «старший брат» (*á-nee*), а если младше — «младший брат» (*o-tó-to*). Все дети этих коллатеральных братьев — мои «племянники» и «племянницы»; дети последних — мои «внуки».

3. Сестра отца — «тетя» (*6-bä*), ее дети и другие родственники относятся ко мне так же, как дети и другие родственники моего «дяди»; брат матери — тоже «дядя» (*6-jee*), как и брат отца; сестра матери — «тетя» (*6-bä*), как и сестра отца.

4. Брат отца отца — мой «дед» (*o-jee-sang*); его сын — мой «дядя» (*6-jee*); сын этого «дяди» — мой старший или младший брат; его дети — мои «племянники»; их дети — мои «внуки»¹².

Обобщая эти данные, Морган писал: «Весьма вероятно, что она (японская система родства. — М. К.) принадлежала первоначально к малайскому типу. В то время как китайская система представляется переходной формой от малайской к туранской, японская система проходит через туранский этап по направлению к арийской (т. е. описательной. — М. К.) форме»¹³. Не располагая достаточными свидетель-

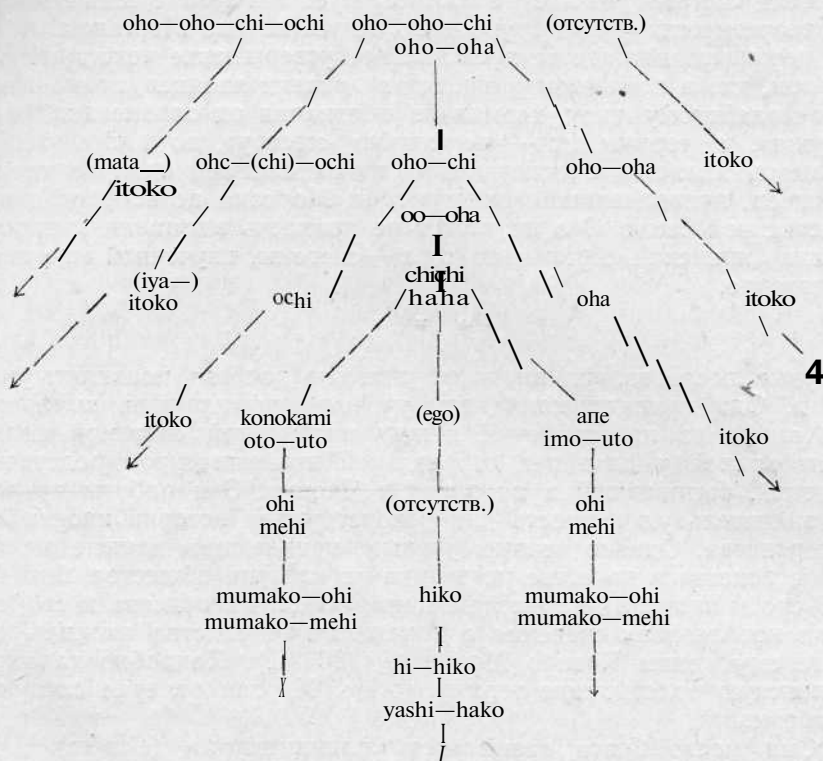
¹¹ Здесь мы сохраняем транскрипцию, употребленную Морганом, хотя она отличается от современной.

¹² L.-H. Morgan, *Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family*, стр. 430—431.

¹³ Там же, стр. 431.

Таблица I.

Термины родства по «Ваме руйдзюсё» (931 — 936)

ствами в пользу того, что в своем прогрессивном развитии японская система родства прошла через малайский этап, Морган поместил ее в своей схеме рядом с другими классификационными системами туранского типа¹⁴.

За последующие десятилетия появилось немало исследований, посвященных японской системе родства и основывавшихся на полевых материалах¹⁵. Эти работы позволили установить, что Морган допустил неточность, охарактеризовав японские термины для обозначения дядьев, теток и двоюродных братьев как классификационные. На основе уточненных данных Дж. Мердок отнес современную японскую систему к «эскимосскому типу»¹⁶, т. е. к описательным системам, к числу которых принадлежит, в частности, современная система родства янки¹⁷.

Вопрос об истории развития японской номенклатуры родства оставался до последнего времени почти совершенно неизученным. Он был

¹⁴ Там же, стр. 517.

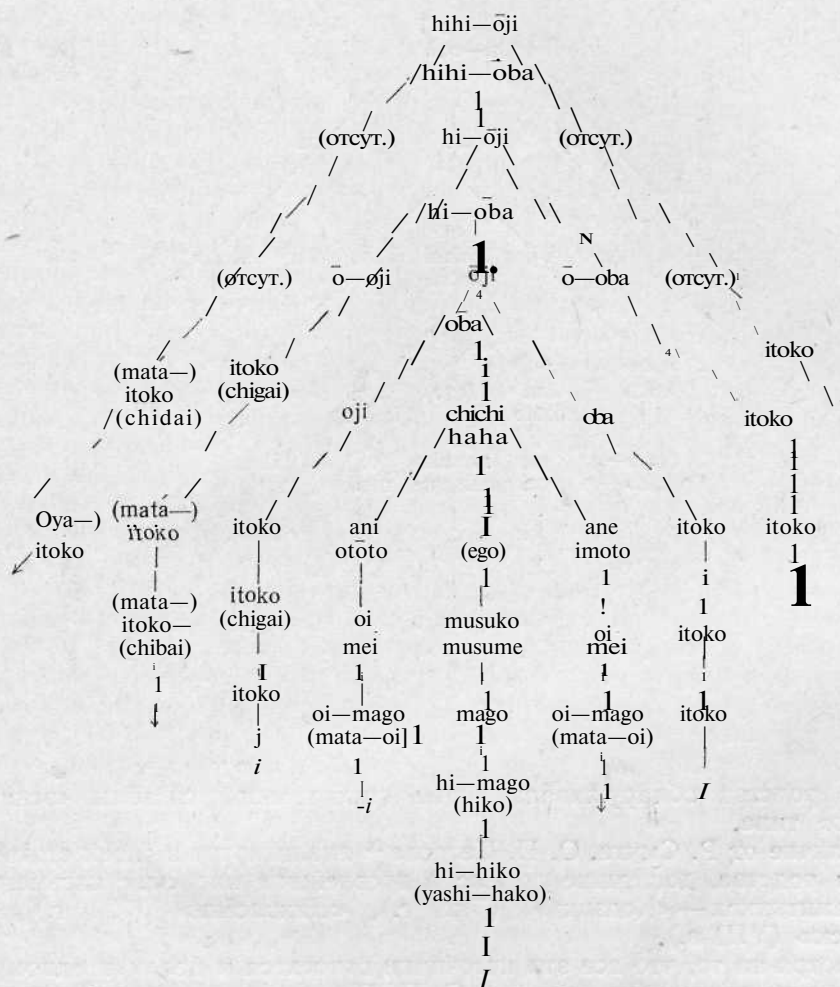
¹⁵ J. F. Embree, *Suye Mura: A Japanese Village*, Chicago, 1939, стр. 86—88; R. F. Spencer and K. Imamura, *Notes on the Japanese Kinship System*, «Journ. of the American Oriental Society», 1950, v. 70, стр. 165—173 и ел.

¹⁶ J. Murdock, *World Ethnographic Sample*, «American Anthropologist», 1957, v. 59, стр. 664—687.

¹⁷ Особенности эскимосского типа (по классификации Дж. Мердока): дочь сестры отца и дочь брата матери называются теми же терминами, что и параллельные кузены, но терминологически отличаются от сестер, те же термины служат для обозначения перекрестных кузенов (J. Murdock, *Social Structure*, New York, 1949, стр. 223).

Таблица II.

Термины родства по «Синдзоку сёмё» (1725)

поставлен впервые в работах Р. Смита, привлечшего для этой цели? значительный круг древних и средневековых письменных источников¹⁸.

Сопоставляя сведения о родственных терминах, содержащихся в лексиконе «Вамё руйдзюсё» (931—936 гг.) и в сочинении Дадзай Сюндай «Синдзоку сёмё» (1725 г.), с данными о современной системе родства японцев (собранными автором в 1960 г.), Р. Смит приходит к выводу о том, что на протяжении почти тысячелетия японская система характеризовалась следующими чертами: [родители терминологически отличаются от дядьев и теток, братья и сестры — от кузенов, бабушки — от их братьев, внуки и внучки — от их братьев и сестер¹⁹ (см. табл. I—III). Таким образом, уже в начале X в. японская номен-

¹⁸ R. J. Smith, Japanese Kinship Terminology: The History of Nomenclature, «Ethnology», 1962, v. I, No. 3, стр. 349—359; его же, Stability in Japanese Kinship terminology: the historical Evidence, in: Japanese Culture. Its development and characteristics, Chicago, 1962; см. также рецензию С. А. Арутюнова и М. В. Крюкова на этот сборник, «Сов. этнография», 1964, № 5, стр. 179—180.

¹⁹ R. Smith, Stability in Japanese Kinship terminology.

Однако для доказательства принадлежности древнеяпонской терминологии родства к малайскому типу этого еще недостаточно. Терминология «Маньёсю» могла бы быть признана малайской лишь в том случае, если бы она содержала горизонтально-групповые термины (общий термин для отца и его братьев, матери и ее сестер и т. д.) при отсутствии разграничения родственников по отцовской и материнской линии (общий термин для братьев отца и матери и т. д.).

Если следовать версии О. П. Петровой, в тех же источниках VIII в. мы можем наблюдать переход от малайской системы родства к системе, соответствующей семье пуналуа. Такой системой родства, согласно Л. Моргану, является номенклатура туранского типа, т. е. терминология, различающая отцовскую и материнскую линию родства при сохранении группового характера терминов. В этом случае братья отца, например, обозначаются тем же термином, что и отец, но отличаются от братьев матери и т. д. Однако наличия турано-ганованских черт в терминологии VIII в. автором также не было доказано. При выделении последовательных пластов терминологии родства О. П. Петрова основывается не на каких-либо объективных критериях, а лишь на схеме Л. Моргана. Таким образом, автор, вопреки собственному утверждению, исходит не из «языковых данных древней японской терминологии родства»²⁴, а из теоретической посылки, в соответствии с которой эти данные интерпретируются.

Тезис о том, что терминология памятников VIII в. отражает отношения кровнородственной семьи, уже высказывался в литературе. Накаяма Таро в своей монографии «Этнографическое исследование «Маньёсю»», изданной в 1962 г., указывал на употребление терминов *se* и *seko* в значении «возлюбленный» = «брат», а также *imo* и *imoko* в значении «возлюбленная» = «сестра»²⁵. Объяснение, даваемое Накаямой описанному им явлению, противоречиво. С одной стороны, автор считает, что обычай брачного сожительства братьев и сестер, отражающийся в терминах *se* и *imo*, является своего рода этническим признаком и указывает на проникновение в Японию каких-то североазиатских народов²⁶. Очевидно, в данном случае Накаяма интерпретирует проблему в духе концепции «культурных кругов». Но, с другой стороны, автор объясняет особенности терминологии «Маньёсю» нормами кровнородственной семьи — «первой страницы, с которой начинается история брака в человеческом обществе»²⁷. Однако, коль скоро малайский характер древнейшей японской системы родства остается недоказанным, сам по себе факт двусмысленности терминов *se* и *imo* утрачивает свое значение в качестве довода в пользу существования в древней Японии кровнородственной семьи.

Сказанное можно проиллюстрировать ссылкой на аналогичные явления, имеющие отношение к другим народам Восточной Азии. В поэтических памятниках народа аси мы находим примеры употребления термина «старший брат» в обращении к возлюбленному²⁸. Однако этот факт ни в коей мере не может рассматриваться как свидетельство существования кровнородственной семьи у аси хотя бы уже потому, что в том же самом памятнике содержатся прямые указания на при-

²⁴ См. О. П. Петрова, Указ. раб., стр. 80.

²⁵ Накаяма Таро, Маньёсю-но миндзокугаку-тэки кэнкю (Этнографическое исследование «Маньёсю»), Токио, 1962, стр. 27.

²⁶ Там же, стр. 28.

²⁷ Там же, стр. 27.

²⁸ «Эпические сказания народов Южного Китая» (перевод, статья и комментарии. Б. Б. Бахтина и Р. Ф. Итса), М—Л., 1956, стр. 9.

надлежность мнимого «старшего брата» к другому роду²⁹. Очень близко к этому употребление термина сяо-гэ (букв. «милый старший брат») в современном китайском языке: так обычно называет девушка своего избранника. Разумеется, эти данные не имеют какого-либо отношения к проблеме семейных отношений у современных китайцев.

Таким образом, выводы, вытекающие из изучения древне-японской системы родства различными авторами, существенно различаются между собой. Однако ни мнение О. П. Петровой о существовании кровнородственной и пуналуальной семьи в древней Японии, ни прямо противоположный вывод Р. Смита о том, что историческая стабильность японской номенклатуры родства отрицает ее обусловленность характером общественной организации, не представляются достаточно убедительными. Несмотря на то, что по своему характеру письменные литературные источники VIII в. не дают возможности охарактеризовать родственные термины этой эпохи как систему, есть основания предполагать, что они близки к номенклатуре X в., характеризующейся описательными чертами. Представляется весьма вероятным, что в IX—X вв. древнеяпонское общество находилось на том этапе своего развития, когда родовые связи уже утратили свою прежнюю социальную роль, что нашло отражение и в отставшей от реальных общественных отношений системе родства. О том, что родовое деление общества существовало в предшествующий период, говорят те отрывочные сведения о быте древних японцев, которые содержатся в китайских хрониках III—VII вв. Так, в «Суйшу» (начало VII в.) упоминается о существовании у древних японцев запрещения браков в пределах одного син, что может быть истолковано как свидетельство существования у них экзогамных родов³⁰.

По-видимому, данные об исторической эволюции японской системы родства в том виде, как они предстают перед нами при современном уровне изученности вопроса, не могут внести каких-либо принципиальных коррективов в ту концепцию развития систем родства, которая в настоящее время является общепринятой в советской этнографической науке.

²⁹ «Эпические сказания народов Южного Китая», стр. 167, прим. 118.

³⁰ С нашей точки зрения, перевод Н. Я. Бичуриным этого места источника («на однофамильных не женятся». — Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, М.—Л., 1950, т. 3, стр. 96) является неточным.